

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Кушнина Л. В.

ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь, Россия (614900, г. Пермь, Комсомольский пр., 29), e-mail: lkushnina@yandex.ru

---

Содержание статьи отражает один из аспектов авторской концепции переводческого пространства, применимой к различным сферам взаимодействия языков и культур, в том числе индустрии перевода. Переводческое пространство представляет собой синергетическую модель перевода, а сам перевод есть динамический, неоднозначный, нелинейный процесс, имеющий множество векторов развития, что приближает его к синергетическим процессам. Ключевая идея статьи состоит в том, что поиск оптимального переводческого решения в рамках переводческого пространства совершается как особого рода эвристический процесс, аксиологической доминантой которого выступает гармония. Если соотношение эвристики и гармонии в процессе перевода является дискуссионным, то автор статьи предпринимает попытку доказать, что эвристическая тактика детерминирует гармоничную стратегию перевода. В результате переводческая деятельность выступает непрерывным эвристическим процессом.

Ключевые слова: переводческое пространство, синергетическая модель перевода, гармония, эвристика, индустрия перевода.

TRANSLATION ACTIVITY AS A HEURISTIC PROCESS

Kushnina L. V.

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia (614990 Perm, av. Komsomolsky 29), e-mail: lkushnina@yandex.ru

---

The content of this article reflect one of the aspects of the author's concept of translation space applicable to different spheres of interaction between languages and cultures, among which there is a translation industry. Translation space represents a synergetic model of translation understood as a dynamic, ambiguous and non-linear process having a lot of vectors for development. The main idea of the article is that the search for the optimal translation's decision within the translation space is performed as a specific heuristic process, the axiological dominant of which is harmony. If the relationship between heuristics and harmony in the process of translation is debatable the author makes an attempt to prove that heuristics tactics determine harmonic strategy of translation. As the result translation activity starts to be a continuous heuristic process.

Keywords: translation space, synergetic model of translation, harmony, heuristics, translation industry.

Проникновение проблем перевода в сферу индустрии перевода требует выявить новые тенденции в современной теории и практике перевода. Почему новые? Потому что сам термин «индустрия перевода» еще не очень четко обозначен исследователями, нет единого толкования. Этот термин появился в тот период, когда мировое и отечественное переводоведение с разными темпами переходит от лингвистических концепций перевода к коммуникативным, от механистических парадигм перевода к деятельностным и дискурсивным.

Исследовать процесс перевода старыми методами на новом материале неактуально: период переводческих трансформаций, замен, подстановок, субституций прошел. В новых условиях перевод воспринимается как мыслительная операция над смыслами, их извлечение, понимание, перевыражение – творческое, индивидуальное переосмысление, присвоение, которое завершается порождением текста, который не копирует исходный текст, а

интегрируется в принимающую культуру естественным образом, обогащая ее и не разрушая себя.

Вместе с тем термин «индустрия перевода» влечет за собой поиск определенных алгоритмов, этапов, фаз, условий и правил, благодаря которым текст перевода вплетается в другую культуру, науку.

Таким образом, современные подходы к переводу тяготеют к двум противоположным полюсам: творческое и стереотипное, объективное и субъективное, когнитивное и эвристическое, рациональное и эмоциональное и пр. Между этими двумя полюсами, где каждый подразумевает достижение качественного перевода, существует, вероятно, то понятие, то интеллектуальное пространство, которое составляет суть индустрии перевода. В нашем понимании индустрия перевода – это некая научная парадигма, которая совмещает в себе когницию (знание предмета и объекта перевода) и эвристику (поиск приемлемых переводческих решений), субъективное (переводчик должен изучать намерения автора, ожидания читателя, иметь собственное индивидуальное видение текста) и объективное (изучение текстовых денотатов в виде – предтекста, подтекста, затекста, контекста, интертекста), рациональное (все, что создает фактуальный смысл и определяет содержание текста) и эмоциональное (все, что создает эмотивные смыслы), природосообразное (что выражается понятием экологии перевода) и культуросообразное (что выражено во многих культуроориентированных концепциях и моделях перевода) и др. К менее значимым факторам можно отнести осознаваемое / неосознаваемое в области принятия переводческих решений, гендерный аспект, при котором сознание билингва «раздваивается», например, понятие *цветок*, произнесенное по-русски и «*fleur*» по-французски, как пишет А. Макин [10], вызывает совершенно разные ассоциации, т.к. грамматический род этих лексем разный (культурная обусловленность маскулинности и фемининности), деонтологию (соблюдение этических норм) и пр. Это список можно продолжить. Главное – термин «индустрия перевода» не является однозначным, семантически однослойным. Это очень емкое понятие, которое отражает наше понимание перевода как сложного процесса смыслотранспонирования в условиях двух взаимодействующих языков и культур. Закономерности этого взаимодействия можно изучать в рамках различных моделей.

В наших исследованиях мы опираемся на авторскую модель переводческого пространства. Ее изложение представлено во многих опубликованных ранее работах [4; 5].

Кратко остановлюсь на основных принципах этой модели.

1. Концептуально перевод определяется как межъязыковой и межкультурный динамический процесс транспонирования смыслов, протекающий в континууме переводческого пространства.

2. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве нацелено на гармонизацию смыслов. Гармоничным признается текст, который выражает тот же смысл, что и текст оригинала, функционируя в другом языке и другой культуре.

3. Переводческое пространство – понятие, которое отражает реально существующие процессы и отношения представлено в виде семантической полевой структуры, в центре которой расположено содержание текста (содержательное поле и фактуальный смысл), на периферии – энергетическое поле (затекст и эмотивный смысл), фатическое поле (интертекст и культурологический смысл), а также поля трех субъектов переводческой коммуникации (поле автора – предтекст и модальный смысл; поле переводчика – подтекст и индивидуально-образный смысл; поле реципиента – контекст и рефлексивный смысл).

4. Каждый текст перевода уникален для данной конфигурации переводческого пространства.

Вывод № 1. Переводческое пространство – синергетическая модель перевода. Синергетика – суть данной модели. Она прослеживается на различных уровнях. Перевод как процесс – динамический, неоднозначный, нелинейный, непредсказуемый, имеющий множество векторов развития, что приближает его к синергетическим процессам. Это значит, что переводчик не может заранее предсказать, каким будет текст перевода. Переводческая синергия проявляется, главным образом, в том, что интегральный смысл целого текста не есть сумма смыслов, он предполагает приращение смысла (а это главный параметр синергии). Он является результатом преодоления переводчиком препятствий в освоении содержания и смыслов текста, когда конфликт языков и культур уступает место их взаимодействию. Так возникает синергетический эффект, завершающий «игры смысловых полей».

Вывод № 2. Что главное в модели перевода? Как оценить качество? Мы определили в своих работах вектор качества – гармонию, которую понимаем как соразмерность, сообразность смыслов текстов оригинала и перевода, как высшую цель перевода.

Приведем пример переводческой гармонии. Для иллюстрации используем инструкцию по применению медицинского препарата *Fluditec/ Флюдитек*, предназначенного для детей, где переводческие ошибки недопустимы.

Moded' emploi et Posologie: unescuillèreà café (5 ml) 1 à 2 fois parjour – в тексте перевода инструкции читаем: *Способ применения и дозы: одна чайная ложка (5 мл) 1 ил 2 раза в день.*

Обратим внимание, что в оригинале речь идет об одной кофейной ложке, и выбор данного варианта, будучи адекватным, словарным, оказывается квазиадекватным, нежелательным.

Как выяснилось, в странах, где чаепитие распространено, как в России, именно чайная ложка является истинным культурологическим эквивалентом кофейной ложки, во всех случаях ее объем составляет 5 мл. Этот вариант мы называем гармоничным, т.к. именно он культурно обусловлен.

Вывод № 3. В переводческом пространстве каждое поле – источник порождения неких имплицитных смыслов, т.к. смысл целого текста – результат их синергии. Именно поэтому мы настаиваем на уникальности каждого текста перевода: у каждого переводчика свой образ-гештальт текста, у каждого автора свой смысл, но каждый переводчик расшифровывает его по-своему, он по-своему прогнозирует смысл реципиента. Приведем пример перевода романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» на французский и английский языки и последующую экранизацию. Если в оригинале мы высоко ценим сам текст Б. Пастернака, то многие на западе полюбили фильм благодаря мелодии. Но мелодия – это и есть приращение смыслов как результат взаимодействия в переводе смыслов, принадлежащих другим семиотическим системам. В данном случае имплицитные невербализованные, но заложенные автором, даже возможно, неосознанно, смыслы, были расшифрованы, декодированы режиссером и композитором и нашли свое музыкальное воплощение в фильме. Это значит, что кинореципиент, незнакомый с текстом оригинала, смог понять и оценить кинотекст, кинодискурс. Это ли не истинная гармония?

Переходя к эвристике, хотелось бы начать с высказывания Элен Анри, переводчика и исследователя перевода: «Перевод – это всегда мистификация, даже если он «верный». Да, я перевожу «верно», но не это главное. Я работаю на невидимой границе, где текст на чужом языке захватывает меня в уголок моего языка, который пробуждается, потягивается, стремясь к тому, чтобы набухнуть, словно почки на дереве, или подняться, как тесто на дрожжах)» [9, р. 21]. Представляется, эта метафора современного французского исследователя и переводчика с русского очень точно отражает стремление переводчика к поиску такого переводческого решения, которое преодолет все культурные барьеры и языковые контрасты, и переводной текст займет достойное место в принимающей культуре.

Мы выдвигаем предположение, что поиск оптимального переводческого решения совершается как особого рода эвристический процесс, аксиологической доминантой которого выступает гармония. Поясним наше понимание данного процесса.

Начиная с работ Иржи Левого (1967 г.), переводческую деятельность рассматривают не как лингвистическую проблему, а как процесс принятия решения. Он основан на алгоритме или процедуре для решения проблем.

По утверждению Лауры Сальмон [7], современного итальянского ученого, наряду с алгоритмом процесс перевода обусловлен эвристикой. При этом эвристическая стратегия

также нацелена на поиск решений, но наиболее обещающих, игнорируя маловероятные или невероятные. Автор приходит к выводу, что эвристика нацелена на поиск все более изысканных решений [7].

Данный аспект проблемы освещен в монографии А.Г. Минченкова «Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности» [6]. Автор предлагает когнитивно-эвристическую модель перевода, что позволяет ему охарактеризовать результат перевода как успешный/неуспешный и противопоставить ее лингвистическим моделям, в основе которых лежит понятие эквивалентности. Здесь же отметим, что наша модель переводческого пространства не исключает ни понятие эквивалентности, ни понятие адекватности, но дополняет их понятием гармоничности, а результат перевода мы расцениваем как гармоничный/дисгармоничный. Раскрывая суть эвристической составляющей перевода, ученый оперирует такими общенаучными понятиями, как дедукция, индукция, абдукция. С помощью дедуктивного мышления мы предсказываем конкретные результаты общего хода вещей, вычисляем, насколько часто они будут происходить. Путем индуктивных рассуждений мы заключаем, насколько часто одно явление будет сопровождаться другим при обычном ходе вещей. Абдукция предполагает простое принятие гипотезы. Применяя данные понятия относительно перевода, А. Г. Минченков приходит к выводу, что «индуктивный и дедуктивный способы мышления лежат в основе традиционной лингвистической модели перевода, в рамках которой как раз и считалось, что текст имеет свое постоянное значение, не зависящее от того, кто его интерпретирует. Однако ориентация переводчика на содержащиеся в словаре или в его сознании «эквиваленты» может приводить к серьезным сбоям в переводческом процессе» [6, с. 142].

Таким образом, понятие абдукции становится релевантным для процесса перевода. Это означает, что переводчик рассматривает «эквивалент» лишь как возможность, гипотезу, которая может быть подтверждена или опровергнута в результате поиска. В сознании переводчика возникают новые мысли, появляются новые ассоциации, активизируются новые фреймы знаний, т.е. путем абдукции, путем проверки истинности той или иной гипотезы переводчик находит оптимальное решение. Именно абдуктивный поиск является эвристической стратегией перевода, а сам перевод трактуется автором как «эвристический процесс объективации средствами языка перевода концептуальной структуры, сформированной в сознании на базе исходного текста» [6, с. 144].

Исходя из сказанного выше, представляется актуальным специальное изучение вопроса, связанного с эвристическими составляющими переводческой деятельности. В связи с тем, что в наших работах вводится понятие гармонии как переводческой категории, объединяющей в себе понятия адекватности и эквивалентности, и противостоящей

дисгармонии как переводческой ошибке, считаем необходимым рассмотреть соотношение эвристики и гармонии.

Вероятно, достижение гармоничности при переводе происходит в результате поиска оптимального, наиболее вероятного переводческого решения, которое мы предвосхищаем выдвижением гипотезы. Эта гипотеза подтверждается или не подтверждается в ходе поисков. В случае подтверждения имеет место семантическая гармония. Можно сказать, что гармония и эвристика соотносятся как стратегия и тактика. Иными словами, эвристическая тактика детерминирует гармоничную стратегию. Но пока это дискуссионный вопрос.

Приведем пример лингвопереводческого анализа, используя термины «гармония» и «эвристика». В качестве иллюстрации мы избрали фразу из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», увидевшей свет в 1865 г., признанной исследователями народно-героической эпопеи, и ее перевод на французский язык, опубликованный в 1965 г.

«Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве» [3, с. 305].

«*L'influence des mœurs polonaises commençait à pénétrer parmi la noblesse ukrainienne*» [8, р. 13].

Комментируя данный вариант перевода с позиции двух вышеназванных моделей – когнитивно-эвристической и теории гармонизации переводческого пространства, можно сказать следующее.

1. С точки зрения эвристики, переводческий поиск обусловлен, с одной стороны, субъективными языковыми предпочтениями переводчика, с другой стороны, выдвижением гипотез принятия переводческого решения по выбору лексики, по структуре предложения, что обусловлено, на наш взгляд, его стремлением осознать концепты, актуализировать их теми французскими словами, которые он не просто знает, или находит по словарю (что в данном случае не требуется), но которые наиболее точно передают мысль автора. Так, сочетание *влияние Польши* переведено как *l'influence des mœurs polonaises*, что при обратном буквальном переводе означает *влияние польских нравов*. Действительно, при описании быта речь идет именно о нравах, а не о других сторонах влияния. В структурном плане в тексте перевода опущены оба союза: *тогда, уже*. В плане лексики достаточно сложно перевести на французский язык лексему *сказываться*, поэтому переводчик выбирает более приемлемую *pénétrer* (*проникать*), которая в данном контексте является синонимичной исходной. Можно сказать, что переводческое решение, выдвинутое с учетом общего осмысления ситуации, а также в результате актуализации в сознании соответствующих концептов, является успешным.

2. С точки зрения гармонии, обратим внимание на перевод сочетания «*русское дворянство*», которое переведено как *noblesse ukrainienne* (*украинское дворянство*). На

первый взгляд, такой перевод является неверным. Имел ли переводчик право допустить неверность? С другой стороны, мы не можем сказать, что допущена переводческая ошибка, поскольку описываемые события, действительно, касались украинской знати, хотя писатель назвал ее русским дворянством. Мы считаем, что этот перевод гармоничен, т.к. в ту эпоху украинцы и русские были гражданами одной страны, и *русское дворянство* для Гоголя включало в себя также *украинское дворянство*. Переводчик посчитал более приемлемым использовать в данной ситуации понятие *украинское дворянство*, тем самым он максимально проник в смысл поля автора, который послужил основой создания не только предтекста, но, главным образом, подтекста, и переводчик актуализировал подтекст. Данный вариант перевода является нерегулярным, контекстуальным, уникальным. В терминах синергетики, он является результатом переводческого поиска как эвристического процесса и проявлением синергии смыслов в фатическом поле переводческого пространства, переосмыслением культурно-исторической информации, благодаря чему он гармонично воспринимается представителями французской культуры.

Подводя итог, еще раз вернемся к метаморфозам перевода Э.Анри: «Ничто не может помешать переводчику строить рядом с ним (текстом оригинала) новый замок (текст перевода) из свежего песка и с удивлением прогуливаться по его совсем новым коридорам» [9, p. 22].

Таким образом, поскольку сама теория перевода, включая индустрию перевода, еще не ответила на многие вопросы, можно сказать, что вся переводческая деятельность – это непрерывный эвристический процесс, который может увенчаться переводческой гармонией. И тогда многие вопросы будут сняты.

Список литературы

1. Аликина Е. В. Оценка качества устного последовательного перевода в реальной и учебной ситуации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2011. – Вып. 13. – С. 114-123.
2. Бодрова-Гонжемос Т. И. Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия и дефиниции // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2006. – Вып. 7. – Ч.1. – С.42-51.
3. Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1968. – Т.1. – С. 299-416.
4. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009.

5. Кушникова Л. В., Силантьева М. С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 71-75.
6. Минченков А. Г. Когниция и эвристика в переводческой деятельности. – М., 2007.
7. Сальмон Л. Теория перевода. История. Наука. Профессия. – СПб.; Астана, 2007.
8. Gogol N. Tarass Boulba. – Paris, 1965.
9. Henry H. Metamorphoses du traduire // Translitterature, 2003. – № 25. – P. 21-22.
10. Makine A. Le testament français. – P., 1995.

Рецензенты:

Алексеева Лариса Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь.

Мышкина Нелли Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», г. Пермь.